

Предвозрождение на Руси в XVI веке и Реформационные идеи XVI века

Каретникова М. С. Русское богоискательство

Предвозрождение на Руси в XVI веке

Пробуждение религиозной мысли в XV веке вызвало в следующем столетии пробуждение мысли и во всех других областях. XVI век — один из самых интересных в истории России: расцвет публицистики, начало книгопечатания и широких реформационных движений. Он начался знаменательным собором 1504 года, на котором противостояли друг другу два разных религиозно-монастырских течения: иосифляне (Иосифо-Волоколамский монастырь) и нестяжатели (Кирилло-Белозерский монастырь). Спор шел фактически о жизни и смерти не только многих «еретиков» — вольнодумцев, но и самого христианства в России. Рассмотрим предпосылки этого собора и позиции его участников.

В XV веке Россия освободилась сначала от господства греческой церкви, Византии, а затем — от татарского ига. В 1453 году Византия пала под ударами турок, и с нею кончилось существование Восточной Римской империи. Центром православия стала Москва. В 1480 году произошло великое «стояние на Угре», в результате которого армии Ивана III и татар разошлись в разные стороны, и иго кончилось в известном смысле мистическим образом, как и впоследствии у нас неоднократно происходило с другими формами «ига». Общественное потрясение от этих событий вылилось в эсхатологическое ожидание «конца света» и московско-новгородское реформационное движение, которое было уничижительно прозвано ересью «жидовствующих».

Главой этого движения был дьяк Федор Курицын, советник и друг Ивана III, имеющий большое влияние на царя и глубоко почитающий Священное Писание. Федор Курицын проповедовал обращение от церковной традиции к первоначальному «пророчеству», или «откровению» Писаний и признание именно его основным источником религии, а также высоко поднял значение мудрости и образованности в духовной области. Он осуждал самоправедность «внешнего жительствова» как фарисейство, утверждая наставление в вере через пророчество, т.е. Библию, и отрицал необходимость посредников между Богом и человеком. Федор Курицын был влиятельной фигурой при дворе Ивана III, и с этим движением нельзя было справиться, не устранив образованного дипломата, а тот твердо стоял за авторитет Библии, в делах же практических выступал против церковной иерархии, обрядовости и монашества как явлений не библейских. Таким образом, центром борьбы между реформаторами и охранителями старины стал вопрос об авторитете: что является авторитетом в вере?

Со стороны «охранителей» выступил Иосиф Волоцкий, настоятель Иосифо-Волоколамского монастыря. Идеалом, к которому он стремился и преуспел в этом, был суровый, хорошо организованный монастырь, с долгими службами и постами, тяжелым трудом, центр религиозной культуры, и при этом — богатый землевладелец.

Иосиф Волоцкий уважал сотрудничество с государством, очень помог Ивану III укрепить его власть, но противостоял ему, когда тот покусился на монастырскую собственность.

Иосиф Волоцкий начал идейную борьбу с реформаторами; как упоминалось выше, написал против них свое знаменитое произведение «Просветитель», где цитировал более сорока отцов церкви. Он считал, что Библию нельзя читать «своим разумом», но необходимо руководствоваться толкованиями святых отцов. Он резко выступал против попыток знать Библию и размышлять над ней. Его ученики, иосифляне, так сформулировали воззрения своего учителя: «Всем страстям мати — мнение; мнение — второе падение». Иосиф Волоцкий был уверен, что «Библия плодит ереси», это его слова.

У реформаторов нашлись союзники. Это были нестяжатели, монахи Кирилло-Белозерского монастыря, во главе с наставником Нилом Сорским. История нестяжательства — одна из светлых страниц в истории отечественного православия. Несмотря на все старания иосифлян сделать свой монастырь центром религиозной жизни, духовности, светом для всей страны, таковым центром на многие годы стал Кирилло-Белозерский монастырь Нила Сорского, молитвенника, духовно мыслящего, кроткого и совершенно не честолюбивого человека. Иосиф Волоцкий слишком большое внимание уделял внешней стороне: службы, посты, изысканное пение, соблюдение обрядов и церемоний, а умственная молитва и духовное чтение оставались в пренебрежении. Иосифляне читали много и без разбора, считая Библию, творения отцов и канон одинаково святыми, препятствуя стремлению их различать, а также противясь попыткам простых людей читать Писания и размышлять над ними. Старец Артемий, из нестяжателей, иронически писал о православных епископах, «мнящих быти учителями» и учивших, что «грех простым людям чести Апостол и Евангелие».

Само название «нестяжатели» раскрывает природу этого движения, идеалом которого является бедный монастырь, монахи, работающие своими руками и любящие глубокую, сосредоточенную молитву, почитающие изо всех книг Библию как единственный авторитет в делах веры. Именно этот последний факт привел их к убеждению, что «еретика» и вообще любого инакомыслящего нужно наставлять словом, нужно молиться за него.

Иосиф Волоцкий требовал, чтобы инакомыслящих сжигали заживо как врагов христианства. А Нил Сорский мечтал и верил, что сила молитвы, любви и наставления может преобразовать всю русскую жизнь. Он отказывался от всех высоких постов, которые предлагал ему Иван III, веря, что жизнь преобразуется изнутри, а не извне.

Все эти споры привели к формированию двух основных проблем, которые должен был разрешить собор 1504 года: это был вопрос об авторитете, т.е. одна

Библия или все священные книги в совокупности, и вопрос о том, как поступать с инакомыслящими, т.е. «еретиками». Этим собором заканчивались все религиозные, идейные движения XV века и открывался новый, XVI век. Он ознаменовался и еще одним важным событием: в борьбе с реформаторами была собрана первая полная Библия на славянском языке, до тех пор существовавшая в разрозненных книгах. Некоторые из них были известны только образованным реформаторам. Реформаторы их заново переводили и пристально разбирали, а затем на диспутах побивали «охранителей», которым эти книги были неизвестны. Инициатива библейского изучения, таким образом, принадлежала реформаторам, и их в этом активно поддерживали нестяжатели.

Заслуга собирания Библии принадлежала новгородскому архиепископу Геннадию, но он сделал это не из любви к Божию слову, а из ненависти к реформаторам. Он специально ездил в Рим... Остановимся и оценим этот факт! Отношение православия к католичеству было однозначное: «погана латинска вера». Архиепископа Геннадия по праву можно считать одним из первых «западников», он хотел перенять от Запада то, что было ему полезно. Что же именно? На Западе имелся опыт борьбы с «еретиками», там действовала инквизиция, и это очень заинтересовало русского религиозного лидера. «Геннадиевская Библия», как она будет называться в истории, включала в себя ряд неканонических книг, это он тоже перенял у католиков.

На соборе 1504 года встретились нестяжатели с иосифлянами, и победили последние. Чтобы казнить Федора Курицына, нужно было лишить его защиты царя. На Ивана III было оказано сильное религиозное давление, ему угрожали адом, и больной царь сдался, а вскоре и умер. Федор Курицын был сожжен, его единомышленников казнили, и с реформаторами, как казалось, было навсегда покончено.

Собор 1504 года оказался судьбоносным в истории России. На нем открыто торжествовало обрядовое христианство и были сформулированы его основные принципы, а именно: неприятие ни Библии, как Слова Божиего, ни права на ее исследование и обсуждение, ни людей, которые желали жить по Писанию. Этот собор сделал Реформацию в России невозможной. Он на несколько веков утвердил жесткую политику господствующей церкви по отношению к самостоятельному продумыванию и обдумыванию Писаний, к дискуссиям на религиозные темы и к свободомыслию. Спустя три века митрополит Амвросий подтвердит это же отношение к Библии: «Мистическое состояние Библии, т.е. непонятность языка ее есть необходимейшее для народа... которого под видом откровения нужно держать в ослеплении» (из его беседы с обер-прокурором Синода Яковлевым).

Обрядовость, мистицизм и вера в магическое действие таинств на человека, а также почитание Божьей Матери, вытеснившее почитание Иисуса как единственного Искупителя от греха и смерти, привело к инфантилизму народа в духовных вопросах и, как следствие, к его глухой ненависти к тем, кто хочет читать Писание, понимать его, объяснять его, рассуждать и обсуждать, т.е. ко всякой духовной мыслительной деятельности.

Итак, споры о Библии и «еретиках» прекратились, но споры между двумя

монастырями о природе монашества продолжались. Иосиф Волоцкий обратился к преемнику Ивана III — Василию III с челобитной против еретических взглядов белозерцев, учеников Нила Сорского. Ревностным почитателем последнего был Вассиан Патрикеев, который стал идеологом евангельского направления — нестяжательства. Это был знатный боярин, сосланный во время борьбы с реформаторами в монастырь. Он стал выдающимся публицистом XVI века, и острота его публицистики была направлена против монастырского землевладения, уводившего от основной духовной цели. Он спрашивал: «Как избавиться от суетных помыслов этого мира?» И отвечал: «Взиранием на ничтожность и тленность мирской жизни». Он спорил с иосифлянами: святые сел не держали; монастыри были исконно нестяжательны, имели нравственный авторитет, а не авторитет богатства, не порабощали своих братьев-христиан. Церковь, считал он, должна вернуться к первоначальной духовной красоте.

Вассиан Патрикеев взялся за основной труд своей жизни: создал новую «Кормчую» — книгу правил по церковно-монастырскому руководству в русле идей нестяжательства. Споры иосифлян и нестяжателей о природе монашества длились несколько лет, не прекращаясь, и в 1512 году московские власти решили обратиться в Афонский монастырь, греческий центр православной духовности, чтобы прислали им старца Савву для разрешения споров. Старец был болен, и лишь в 1518 году вместо него в Москву поехал Максим Грек как гость великого князя.

Максим Грек известен как переводчик, публицист, ученый-энциклопедист и гуманист. Он был учеником и последователем великого итальянского предшественника Реформации Савонаролы. Отведенная Максиму Греку келья в Чудовом монастыре стала своего рода просветительским центром, где собирались самые образованные люди, единомышленники-нестяжатели, в том числе, конечно, и Вассиан Патрикеев, и вели вольные беседы. Первое сочинение Максима Грека было об Афоне, об устройстве монастырской жизни, где каждый должен работать своими руками. Его перу принадлежат переводы трудов отцов церкви весьма специфического содержания: из Василия Великого — «Беседа на лихоимцев»; из Григория Богослова — «О нищелюбии»; из Иоанна Златоуста — «О епископах нерадивых».

Кроме того, Максим Грек был блестящим публицистом, его произведениям морально-обличительного и социального характера суждена была долгая жизнь. Благодаря своим энциклопедическим знаниям он познакомил русских людей с итальянским Возрождением, открытием Америки, личностью и учением Савонаролы. Но главное, для чего его пригласил великий князь, — это перевести Толковую Псалтирь, чтобы иметь такой перевод, на который можно было бы опираться и не бояться ошибок. Князь, в отличие от духовенства, хотел иметь авторитетный базис для борьбы с «еретиками». Максим перевел Псалтирь, и, по отзывам современников, «все восхвалили ее как источник истинного благочестия». А о князе сказано было, что он «почтил трудившегося не только похвалами, но и большою наградою».

Максим собирался вернуться на Афон, но получил новые задания от

князя; и тут над его головой стали собираться тучи: он потерял защиту князя, когда осудил его за развод с первой женой — Соломонией Сабуровой и второй брак с молоденькой Еленой Глинской. «Охранители старины» только того и ждали, они с великим подозрением относились ко всей деятельности Максима Грека и к внесению любых изменений в священные книги, которые тем и были для них священны, что не подлежали ни изучению, ни осмыслению, ни вообще пониманию. Они обвинили Максима Грека в том, что тот «огласил в народе словено-русские книги неисправными... и опорочивал оные». К тому же он вмешался в спор нестяжателей с иосифлянами, а затем, в 1523 году, — в спор между ревнителями старины и сторонниками новшеств.

В 1525 году состоялся суд над Максимом Греком. Его так желали «засудить», что обвиняли заодно и в «волхвовании» над великим князем, и в шпионаже в пользу турецкого султана. Его в оковах отправили именно в Волоколамский монастырь — оплот его противников, с запрещением не только писать или с кем-либо общаться, но и «мудрствовать», т.е. думать! Не удовлетворившись одним судом, в 1531 году над Максимом Греком устроили второй, чтобы укрепить незыблемость обрядовой старины против «греческой прелести». Опасность обрядовости и магического понимания таинств состоит в том, что человек лишается способности думать о духовной жизни или искать спасения. В лице Максима Грека Россия впервые получила человека глубоких знаний в области и богословия, и светских наук, который пытался обратить на пользу христианства в России всю свою эрудицию; однако ревнители старины поняли только одно — что он «портит богослужебные книги». Вместе с Максимом Греком на этот раз был осужден и Вассиан Патрикеев, который «был уморен презлыми иосифлянами» в 1532 году в том же Иосифе-Волоколамском монастыре. Максима Грека убить не решились, он пережил великого князя и в 1551 году, т.е. через двадцать лет после второго суда, был отпущен на покой в Троицкую лавру, где сделал новый перевод Псалтири с приближением языка к современному. Это говорит о том, что во все годы заточения Бог не оставлял Своего верного служителя, сохранившего и веру, и разум, и желание потрудиться для страны, которая отнеслась к нему с такой неблагодарностью. А его гонители, рассчитывавшие укрепить свою власть над умами, в действительности подрывали самые основы нравственного авторитета церкви. Об этом свидетельствуют реформационные идеи XVI века, о которых пойдет речь ниже, а еще яснее это проявится в Великом расколе XVII века, о котором будем рассуждать еще позднее.

Реформационные идеи XVI века

Идеями Реформации в России был охвачен широкий круг людей: дворяне (Матвей Башкин), крестьяне (Феодосии Косой), образованные слои населения (Иван Пересветов), и наконец, все те, кто способствовал отечественному книгопечатанию, — Иван Федоров, князь Острожский, князь Курбский, старец Артемий, митрополит Макарий.

Почему такую огромную роль сыграло начало книгопечатания? Потому что оно впервые после Киевской Руси принесло Евангелие и Библию русскому народу. Книгопечатание на заре своего возникновения было делом жертвенного служения Богу. Оно родилось в борьбе, оно развивалось в обстановке непрерывных угроз. Все это особенно хорошо видно на судьбе нашего первопечатника Ивана Федорова (1510 — 1583 годы).

Деятельность Ивана Федорова пришлось на царствование Ивана Грозного. Без Божьего провидения печатание духовной литературы, наверное, никогда бы не началось, потому что, как мы уже отмечали, православные иерархи боялись света Библии, утверждая, что «Библия плодит ереси». Но с завоеванием Астраханского и Казанского ханств перед российским государством встала задача христианизации завоеванных земель. А богослужебных книг для новопостроенных церквей не было! Мы можем только догадываться, как мало было этих книг в русском государстве. И тогда царь проявил интерес к кустарной деятельности скромного мастера, интересовавшегося резьбой по металлу и по дереву, гравировкой, набойкой, стремившегося использовать эти древние виды искусства для создания шрифтов. Под царской рукой дело сразу двинулось: в самом Кремле отвели помещение для типографии, и вместе с Петром Мстиславцем Иван Федоров начал «собирать» свою первую книгу — «Апостол». Он перепробовал много разных шрифтов и выбрал такой, в котором нижняя часть каждой буквы была пошире и потяжелее, чем верхняя, что создавало зрительную устойчивость текста. Он перебрал много досок с резьбой и разными красками для заставок, пока не получилось нарядно, празднично и вместе с тем строго. Он сделал для этой первой книги широкие поля, чтобы их можно было обрезать, когда истреплются страницы, ведь книга — дело дорогое.

В 1564 году «Апостол» вышел в свет. Эта дата считается началом отечественного книгопечатания. Иван Федоров с радостью принялся за следующую книгу, но тут ему пришлось бежать из Москвы! Причину этого первопечатник сам объяснил так: «Презельно ради озлобления от многих начальник и священноначальник и учитель». Озлобление против Ивана Федорова копилось давно, с самого начала: книгопечатание на станке считалось делом дьявольским. «Богоугодным» было только переписывание от руки. В это время разладились взаимоотношения Ивана Федорова с царем: царь лишил его своей охраны и покровительства, и тут же на него с яростью набросились недоброжелатели. А как все хорошо начиналось! Иван Федоров работал в Кремле, в доме священника Благовещенской церкви Сильвестра, царь

его поддерживал, митрополит тоже, потому что переписчики делали много ошибок, и католики критиковали православных, что у них нет Библии. И вот все внезапно прервалось. Федоров не обвинял царя, он писал: «Лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрыти, якоже ризою».

Начинались репрессии против реформационно настроенного духовенства и других образованных кругов населения. Царь уехал в Александрову слободу, а вскоре организовал опричнину. Из России надо было бежать. Бежал также ближайший друг и соратник царя — князь Курбский. Бежать можно было в Западную Украину и Литву, до поры до времени. У Ивана Федорова было одно страстное желание: «Духовные семена по вселенной рассевати, и всем по чину раздавати духовную пищу». В этом состоял смысл его жизни — «ради братьев своих...».

С 1565 года Иван Федоров обосновался в Остроге (Западная Украина), в имении князя Константина Острожского. Этот князь был человеком веротерпимым и склонялся к протестантам. Он с уважением отзывался о кальвинистах, их вере и учености. В то время влияние протестантизма в Западной Руси было значительным. Во множестве открывались кальвинистские храмы и молитвенные дома, училища, типографии, издавалась протестантская литература. Здесь же, в Остроге, Иван Федоров совершил подвиг всей своей жизни — напечатал в 1581 году Острожскую Библию на славянском языке. В течение 200 лет текст этой Библии служил образцом для ее последующих изданий.

Дело в том, что, желая напечатать Библию, Федоров не мог найти удовлетворяющего его рукописного списка:

все они были полны ошибок! И тогда он отправился через Румынию и Болгарию, через столицу Валахии — Торговище, через древнее Тырново — в Риду. Там был знаменитый Рильский монастырь, основанный еще в X веке. Федоров надеялся встретить там монахов, не только умудренных годами и опытом, но и являющихся преемниками Кирилло-Мефодиевской традиции.

Весь Балканский полуостров в то время находился под турецким игмом, и монастырь, который раньше был центром болгарского просвещения, стал теперь крепостью, оберегавшей от турецкого засилья славянскую культуру, письменность, язык. Ученые монахи тайно сносились с монастырями Греции и Москвы. Целыми днями они сверяли перевод с греческого оригинала, исправляли ошибки. Лишь после вечернего звона откладывали в сторону книги и рукописи. Православные монахи ободряли Ивана Федорова: «Книги твои нужны!» Как ему нужно было это ободрение! Ведь он печатал книги на славянском языке, кто их будет покупать в Польше или Литве? Все друзья и помощники оставили его, даже сын, женившись, больше думал об устройении земной жизни.

Глядя на болгарский народ, томящийся под турецким игмом, Иван Федоров понимал, что счастье без свободы невозможно, а глядя на русский народ, он понимал, что невозможна свобода без знаний. «Ум без книги, что птица без крыльев!» И он продолжал свой героический труд, без которого для него жизнь не имела смысла, — «Духовные семена по вселенной рассевати».

В 1570 году, в Литве, в Заблудове, мечта Ивана Федорова, кажется, осуществилась: он получил в свое распоряжение типографию и напечатал в ней «Учительные Евангелия» (т.е. с пояснениями) и «Псалтирь», и, кроме того, приобрел друга, Ходкевича, просветителя. Однако счастье его длилось всего четыре года. Ходкевич поддерживал Реформацию только до тех пор, пока ее идеи не восприняли крестьяне, которые обращались к помещикам с такими словами: «Вы не имеете права есть хлеб, добытый потом ваших подданных, сами должны трудиться... продавайте ваши имения и имущество...» Ходкевич закрыл типографию. Он не хотел обижать Ивана Федорова, предложил ему беззаботную жизнь в небольшом имении. Однако Иван Федоров отказался, ответив ему знаменитыми словами, что ему должно «рассеять семена».

Затем Федоров переехал во Львов, где основал первую на Украине типографию. Там он напечатал второе издание «Апостола» (1574 год) и свою знаменитую «Азбуку»: он использовал для ее создания западноевропейские учебники и латинские, польские, сербские, болгарские, русские рукописные традиции. Он по-прежнему «собирал» каждую напечатанную им книгу. В «Азбуке» отразились его широкая образованность и желание привить детям вкус к образованию. В период с 1574 по 1578 годы «Азбука» выдержала несколько изданий. Она стала памятником русской культуры и просвещения.

Иван Федоров умер во Львове, в декабре 1583 года, вскоре после напечатания Библии (1581 год) — дело его жизни было завершено. Он имел твердое и ясное понимание важнейшей истины для жизни народа — опираться в своей вере нужно только на Писание, нужно знать Библию, нужно вникать в Божие Слово. И он сделал все, чтобы донести Слово до простых людей, объяснить его, сделать привлекательным, понятным.

Не соприкасаясь с Иваном Федоровым, в это же время трудились в области просвещения и другие известные личности. Так, князь Курбский, друг князя Острожского, организовал перевод на славянский язык отцов церкви — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина. Его отношение к протестантам было сложным: он интересовался ими, но не мог вести с ними богословские споры, потому что они опирались на Писания, а он — на предания. Тем не менее Курбский сыграл значительную роль в издании Острожской Библии, финансируя его, хоть и укорял князя Острожского за привлечение протестантских издателей, к которым он причислял Ивана Федорова. В свое время Курбский был учеником Максима Грека, и это, конечно, отразилось в его взглядах, тем более что он сам оказался в глубоком конфликте с царем и вынужденной эмиграции. Он был западник и просвещенец.

Большой вклад в дело русского духовного просвещения внес митрополит Макарий, создавший «Четьи-Минеи» (книгу для чтения) — энциклопедический свод древнерусской церковной письменности.

Подвижнический труд Ивана Федорова — самый серьезный и значительный в деле духовного просвещения русского народа. Но бурная эпоха выдвинула еще многих «протестантов», не согласных ни с учением церкви, ни с ее зависимым положением в государстве. .

Так, в 1547 — 1554 годы Матвей Башкин, мелкопоместный боярин, выступил против холопства как явления противного учению Христа. Начал Башкин с вопросов священнику Благовещенского собора: как холопство согласуется с любовью к ближнему? Почему епископы сами себя возвеличивают и только богатых любят? Почему монастыри потеряли святость и стали притонами разврата? Почему Евангелие в церквах не изучается? Почему не Христу поклоняются, а иконам? Зачем нужно церковное покаяние, если человек грешит по-прежнему?

Священник не знал, что ему отвечать, и написал на Башкина царю донос. Вина Матвея Башкина была и так велика — он «хулил православную церковь и порядок государственности», а тут еще совершил невероятный по своей смелости поступок: разорвал «кабалы» своих холопов и выпустил их на свободу. Кроме того, он не ограничился беседами со священником, а распространял свои, типично реформационные, идеи о церкви как союзе единоверцев, об иконах как идолах, о близости Христа к людям и о том, что знание не враждебно Богу и что Евангелие надо читать и изучать.

Матвей Башкин был не одинок в своих взглядах. Так же мыслил и просветитель Иван Пересветов, утверждавший, что «Бог любит правду лучше всего» и что истинная вера — это правда и Бог помогает тем, кто стремится ее осуществлять. Сочувствовали идеям Матвея Башкина и нестяжатели. Старец Артемий говорил: «От учения бо разум прилагается, еже и до смерти учиться подобает». Он защищал «книжное ученье».

Идеи Башкина, таким образом, распространились от Москвы по монастырям до Белого озера. И царь, первоначально отнесшийся к вольнодумцу снисходительно, вскоре приказал его арестовать, пытать, чтобы узнать истоки его учения, а затем сжечь его в срубе. Царя особенно возмутило, что Матвей Башкин не только «вольнодумствовал», но и поступил в соответствии со своими убеждениями — отпустил холопов на волю. Единство веры и жизни по вере показалось царю опасным. Слушать Христа и исполнять слово Его — было делом государственной измены. Смелые и правдивые слова, несломленный дух, действенная любовь к ближним были опасны для национального самосознания, когда нация отождествлялась с царем и православной иерархией.

Реформационно-гуманистическое движение в России являлось продуктом собственного, естественного развития идей, но на его основе возникли прямые контакты между реформаторами-гуманистами Востока и Запада. В роли такого «звена» прямой связи русских движений с общеевропейскими оказался самый радикальный из так называемых «еретиков» — Феодосии Косой, холоповольнодумец. Его идеи тоже были подкреплены делом. Он выступил против официального христианства, тяготеющего к националистической избранности. Феодосии Косой был убежден, что христианство не в соблюдении обрядов, а в исполнении заповедей Иисуса и любви к ближним... Представитель «всякого языка», говорящий правду, «приятен» Богу... «Все люди суть одно у Бога:

и татары, и немцы, и прочия языци».

На соборе 1554 года, на котором осудили Матвея Башкина, осудили также

и его главных единомышленников: Феодосия Косого и нестяжателя старца Артемия, игумена Троице-Сергиева монастыря, но им удалось бежать в Литву, где для Феодосия Косого и его брата, проповедника Фомы Косого, открылось широкое поле деятельности. Русские реформаторы открывали в Литве молитвенные дома, и литовцы были склонны к протестантизму. Феодосий Косой проявил на деле свою веру в то, что все люди — братья по крови, Литва стала ему второй родиной, а сам он женился на еврейке. И быть бы Литве протестантской страной, если бы не Ливонская война Ивана Грозного, подогреваемая иезуитом, папским нунцием Антонио Поссевино, который был в то время послом в Москве. Проповедника Фому Косого во время взятия Литвы по специальному приказу Ивана Грозного отыскивали, арестовали и в присутствии царя утопили... Проповедь Евангелия в Литве была приравнена к государственной измене.

Солидарность русских и западных реформаторов обнаруживается и в следующем интереснейшем свидетельстве. В 1559 году при взятии Дерпта в плен попали пастор и его единоверцы и были препровождены во Псков. Два неизвестных псковских ремесленника разыскали пленных лютеран. Сохранилось свидетельство пастора:

«...Прежде всего они начали утешать наше сердце Словом Божиим, что возложенный на нас крест следует нам носить с христианским смирением... и чтобы мы не сомневались в милости и помощи Божией. Затем они успокоили наше тело, снабдили нас теплыми перчатками и сапогами и еще ссудили доброй деньгой на дорогу». Это необыкновенное свидетельство содержится в книге Дмитрия Цветаева (дядя поэтессы) «Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований», 1890 год.

Надо думать, что во Пскове было не только два евангелиста. Видимо, там существовала целая тайная община. И как знакомо для нас звучит этот порядок: сначала утешить сердце Словом Божиим, затем успокоить тело, да еще щедро ссудить деньгами в дорогу! Господь знает Своих. И мы их тоже узнаем!

И в языческой России были христиане. Русские писатели и философы утверждают, что христианство на Руси не проповедано. Но факты говорят о том, что если на официальном уровне было именно так, то где-то глубоко внутри шла совсем иная жизнь. Только о ее существовании мы узнаем преимущественно из сведений о мучениках.